

САРМИК-ЯХА

Анатолий МУХАЧЁВ

п. Оболенск, Московская область

Огромный полярный волк вынырнул будто ниоткуда. Беззвучно ступая по мху, он, казалось, не шёл, а плыл в сторону логова. Ыча вскинул «Манлихер», купленный отцом по случаю на Обдорской ярмарке, и выстрелил со ста шагов. Одновременно с ним разрядил берданку и пастух Саваня. Обе пули попали в цель. Волк дёрнулся, прынул в сторону, но лапы его тут же подломились и он, вздыбив шерсть, завалился на бок. Ещё мгновение – и напряжённое тело хищника обмякло, матерый самец испустил дух. Эх, знал бы Ыча истинную цену тому выстрелу, обходил бы Сармик-Яху со своим аргишем за десять попрысков¹...

Вскоре после назначения на должность меня, главного зоотехника совхоза «Ныдинский», командировали в оленеводческие бригады. Перед отъездом из Нумги директор вручил мне две карты на кальке и сказал:

– Это тебе для ориентировки на местности. Один без них никуда не ездит, пропадёшь...

Переправившись на катере через Обскую губу, я добрался до оленеводческой бригады Пантелеймона Марика и только там впервые достал из рюкзака подарок директора – «Карту землепользования Ныдинского совхоза» и «Карту маршрутов каслания оленьих стад на 1957 год». Обе в масштабе 1:500 000. Я мысленно поблагодарил начальство за работу, но всё же отметил, что для ориентирования на сильно пересечённой местности нужен другой масштаб – 1:100 000 – сантиметр на километр.

По гляncy кальки тонкими струйками растекались змейки рек и проток, темнели многочисленные пятна озёр. Я подивился

профессионализму исполнителя карты: все надписи были сделаны мельчайшим чётким почерком. Местная топонимика завораживала, и я невольно зачитался мудрёными названиями: Арка-Пойлова-Яха, Нюды-Монгата-Епока, Пойта-Яха-Тарки, и тому подобное. Ни одного названия русского, только ненецкие. Делать нечего, придётся запоминать их как есть, иначе я просто не смогу объяснить с оленеводами по поводу маршрута. Но мне всё же захотелось узнать, как названия основных водоёмов переводятся на русский, что означают.

Я решил завести дневник и записывать туда всё, что расскажут по этому поводу мои новые знакомые. Тем более я уже знал: ненецкие топонимы весьма точны, а их история нередко связана с каким-нибудь памятным случаем. К этой работе я ненавязчиво привлёк Якова Ивановича Вануйто, он хорошо знал ненецкие традиции и прекрасно владел русским языком.

¹ Попрыск – остановка упряжки через 8–12 километров бега.

Однажды, после утреннего чая, я подступил к Вануйто с очередными расспросами:

– На севере совхозных угодий бегут реки: Сармик-Яха, Хеим-Пагот, Олику-Хем-Паюнта, Митик-Яха, Вангота-Яха-Тарка, Пою-Яха, Няда-Яха, Толянка-Яха, Седе-Тарка...

– Однако так, – кивнул Вайнуто.

Меня услышал починявший грузовую нарту старик. Он что-то сказал моему собеседнику, и тот добавил:

– Вэсако² говорит, что на севере есть и другие речки...

– Возможно, есть, – согласился я. – Но они, наверное, совсем небольшие и на карте не отмечены.

Оба ненца согласно закивали головами.

– Земля большая, карта маленькая, – философски заключил старик и переключился на Вайнуто. Выслушав старшего, тот перевёл:

– Он говорит, там есть речки и побольше: Тарка-Харвута, Арка-Харвута, Собей-Яха и другие.

Я удивился тому, насколько хорошо старик знает местность. Самое время расспросить обоих о сущности всех этих названий. Ткнув в карту пальцем наугад, я поинтересовался:

– Сармик-Яха – что за речка такая, как на русский переводится?

Старик молча посмотрел на Якова Ивановича. Тот не спеша поправлял костерок, от-

гонявший дымом комарё. Положив на угли пласт сырого мха, он выдержал паузу, и как бы нехотя ответил.

– Волчья река. Река волков.

– Что за название такое? – удивился я. – Ладно бы, волчий лес или тропа волчья. Но река... Они там что, по обеим берегам в старину хозяйничали? Как-то надуманно это звучит.

Мои слова Яков Иванович перевёл старiku. Тот утвердительно закивал и бросил несколько отрывистых фраз.

– Вэсако говорит, дескать, так оно и было, – перевёл Вануйто.

– А ты, дедушка, сам-то бывал в тех местах, видел эту реку? – обратился я к старiku напрямую.

– Маленько бывал, однако давно.

– А длинная эта река?

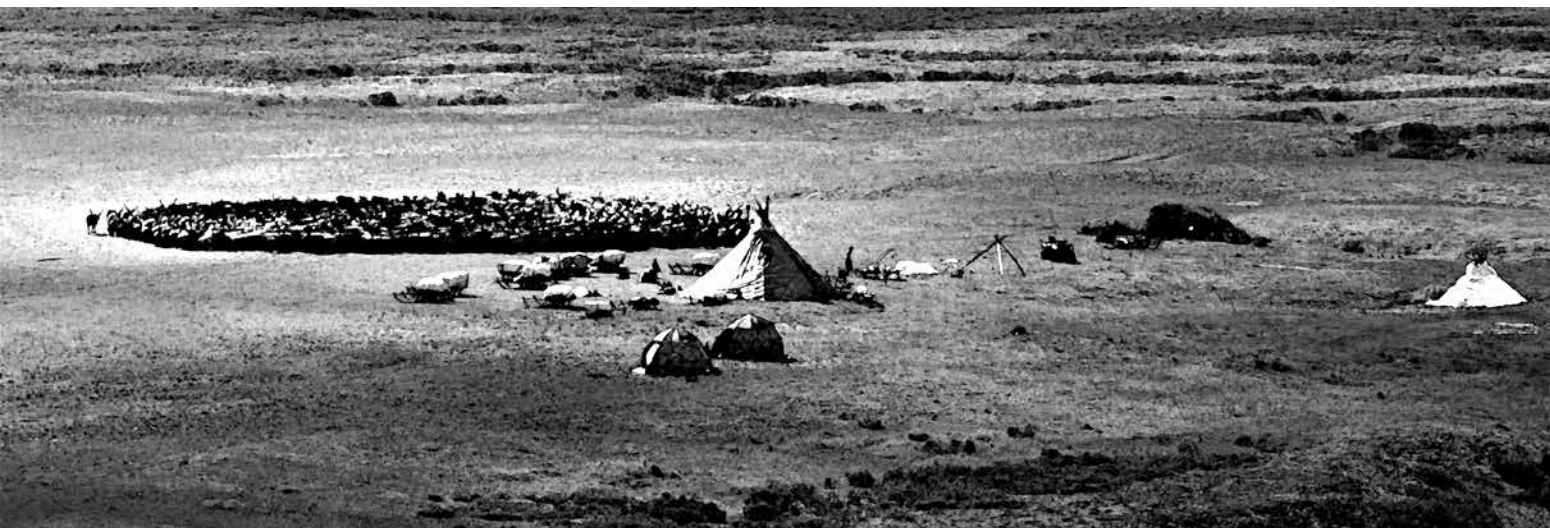
– Почти два попрыска, а впадает она в реку Хеим-Паюту.

Я посмотрел на карту и убедился, что дед исключительно точен.

Во время нашего разговора к нам подошли Пантелеймон Марик и Сергей Ручколамов. Они собрались пойти к стаду и позвали с собой Вануйто. Мне Пантелеймон сказал:

– Копыточных оленей ещё нет. Так что пока отдыхай.

Бригадир имел в виду, что наши рогачи не страдают некробактериозом. Эта опасная болезнь имеет выраженные симптомы: сначала

²Вэсако – «старик» в переводе с ненецкого языка

ла олень слегка прихрамывает, затем около копыта появляется рана. Дальше – больше, хромота нарастает, нижняя часть ноги распухает, образуются свищи. Животному с каждым днём становится всё более ходить. Если вовремя не пролечить, олень может погибнуть.

Марик, Вануйто, Ручколамов ушли. Мы с взсако перебрались несколькими фразами по поводу нарты, которую он ремонтировал. Потом я пошёл собирать гербарий основных кормовых растений северного оленя на территории совхоза. Дневник с картами я сунул в рюкзак, надеясь в скором времени узнать историю Волчьей реки.

Сбору растений я посвятил несколько часов. Отобрал десятка три видов. Образцы проложил газетами, закрепил их в рамки – для просушки, и пошёл в чум.

Укрывшись от комарья за марлевым пологом, я достал вузовский конспект по биологии промысловых зверей. Меня интересовали волчьи повадки. Так, готовясь к продолжению беседы с Вануйто и стариком, я перечитал всё, что моему курсу рассказывал заведующий кафедрой зоологии, профессор, доктор биологических наук Алексей Михайлович Колосов. Приведу несколько выдержек, они помогут читателю ярче представить историю Сармик-Яхи:

«Особенно большой урон народному хозяйству волки наносят на Севере. Они часто нападают на стада домашних оленей и убивают в десятки раз больше животных, чем могут съесть. При этом олени массово разбегаются на большие расстояния и пастухи неизбежно теряют часть стада.

Нападения волков особенно опасны весной, когда идёт отёл важенок. Длина тела самцов достигает полутора метров, а высота в холке – 80–100 см, вес 45–55 килограммов. Самки меньше самцов» ...

Перелистывая страницы вузовской тетради, я думал: «Ну до чего ж огромная зверюга этот полярный волк! По «габаритам» вполне сравнится с годовалым оленем!»

«Для волков характерен семейный образ жизни. Пары у них в большинстве случаев образуются на всю жизнь: распадаются лишь в результате гибели одного из партнёров.

Логово звери устраивают на сопках, под вывернутыми корнями деревьев, среди бурелома, на склонах оврагов, в равелинах скал. Лаз в логово всегда делается с южной стороны, при этом хищники своё жилище обязательно располагают недалеко от проточной чистой воды. Обычно волки логово занимают из года в год одно и то же. Чтобы не выдать его расположение, к логову хищники всегда подходят осторожно...

Охотятся волки путём скрада или в угон, устраивают засады и облавы. Волк рыщет везде, где только надеется добыть себе пищу.

Основная добычка волков – домашние и дикие северные олени... Волк осторожен, смыслён, вынослив, силён. Свободно переплывает крупные реки. На короткой дистанции может развивать скорость до 80 км в час».

Дочитав конспект, я положил тетрадь на место. Вернулся из стада Пантелеймон Марик и пастухи. Все были голодны. Началась по чумам трапеза.

Я сидел рядом с Пантелеймоном поненецки (или по-турецки, как говорят на Руси) за низеньким столом и с аппетитом уплетал сырого муксуна – согудай. Заев его отварной оленьиной, с удовольствием попил ароматного чая. Несмотря на витавший над очагом дым, было приятно. Устрашающий гул комаров за стенкой чума не внушал ни страха, ни опасения...

Я проснулся от хриплого гула. Оказывается, пастухи пригнали на отдых стада. Быстро оделся и вышел из чума. Важенки, высунув от беготни языки, тревожно хоркали. Им призывно вторили телята – малыши боялись отбиться от своих мамок. В какой-то момент, образовав сплошную плотную массу, олени начали кружиться около чума. На танжере – месте их кружения – почва быстро превратилась в месиво...

Олени вращались сплошной массой по кругу, но присмотревшись, я понял, что оказавшиеся в центре формации животные стоят, а движутся те, что не успели пробиться в самую гущу. И чем дальше от центра на-

ходилось животное, тем быстрее ему приходилось перебирать ногами. Устав от бега, отдельные рогачи всё же пробивались вглубь стада, а те, кого они выдавливали на периферию, набирали ход.

У всей этой кутерьмы есть объяснение – массовый лёт гнуса. При этом оленям досаждают ещё и оводы – подкожный и носоглоточный. Первый вид стремится отложить яйца на шерсть оленю. Как только он садится на рогача, тот сильно встряхивается и бежит на другое место. Самка второго вида ещё опаснее – она стремится впрыснуть свои личинки животному в нос. Бедный олень, чтобы не допустить этого, чихает, прячет нос в мох. Несмотря на все уловки рогачей, самки оводов не оставляют их в покое. От отложенных личинок олени потом мучаются до самой весны.

Чтобы хоть как-то защитить стада от насекомых, пастухи раскладывают три-четыре дымокура и поддерживают их на протяжении многих часов. В клубах дыма животные ищут спасение и получают передышку от myriad пищущих кровососущих мучителей. Иногда пастухи защищают животных за счёт распыления репеллентов...

Но вот солнце склонилось к горизонту, подул долгожданный ветерок и стадо в сопровождении двух пастухов отправилось против ветра на пастбище.

– Яков Иванович, будь другом, позови эсака, маленько поговорим про реку волков.

Вайнуто кликнул старика. Тот вскоре пришёл в чум и сел на оленью шкуру рядом с ним. Я захватил дневник и расположился рядом.

– Давно это случилось, – начал мне переводить Вайнуто. – Жил богатый оленевод Амо Яр. У него было два сына-крепыша. Старшего звали Ыча, а младшего Юси... Раньше как было: если оленей мало, берёшь себе одну жену. А если стадо больше и есть чем платить выкуп – женишься на второй. Так вот, у Амо было сразу три жены, настолько он был богат... Сам-то Амо только в молодости оленей пас, потом эту работу делали бедные ненцы. За это он им давал еду, одежду, а иногда оленей. Потом Амо часть стада передал сыну Ыче. Тот нанял еще двух ненцев – бедняков. Выпасались стада Амо и Ычи друг от друга примерно на расстоянии три-четыре попрыска.

Однажды, когда отёл уже закончился, Ыча обнаружил недалеко от берега Хеим-Паюты волчье логово. Недолго думая, оленевод решил устроить на хищника засаду. В помощь себе он взял пастуха Саваню. Мужчины одновременно заметили крадущегося к логову волка и как только тот вышел на удобное место, почти одновременно выстрелили, сразив его наповал...

Я слушал перевод стариковской были, затаив дыхание. Было понятно, что, детализируя повествование, вэсако приукрашивает отдельные моменты, додумывает диалоги действующих лиц, но без этого, согласитесь, его рассказ не был бы так интересен...

Пастух спросил Ычу:

– Будем поджидать волчицу?

– Нет, она была наверняка где-то рядом и слышала выстрелы. Теперь она долго не придёт. А, может, и вовсе не явится.

– И волчат бросит? – недоверчиво поинтересовался Саваня.

Из логова доносилось урчание и распротранялся неприятный специфический запах. Немного подумав, Ыча изрёк:

– Ей своя жизнь дороже помёта.

– А что с волчатами будем делать?

– Откопаем. Сделаем загончик и пустим туда. Они ещё маленькие. А как вылиняют, так забьём на шкуру, что-нибудь сошьём.

ИЗ АРХИВА ХАБЭНИ ЯНГАДА

Так они и сделали. Раскопали логово. Обнаружили в нём пять волчат.

Пастух взял одного щенка в руки. Тот смотрел на него спокойно, без враждебности.

– Однако маленький, – улыбнулся Саваня.

– Сейчас маленький, а потом будет удаленький. Надо будет вовремя их ободрать, – сказал сквозь зубы Ыча.

Мужчины отвезли добычу к становищу. Недалеко от чума сделали загон и пустили в него волчат. Посмотреть на них вышли женщины, дети.

Шкуру волка жена Ычи растянула мездрой кверху и укрепила в тени колышками. Волчатам положили мелко нарезанное мясо, поставили миску с водой...

На второй день, когда все проснулись, оказалось, что загон пуст. Волчица сделала подкоп и увела волчат. Ыча сел на нарту около чума и позвал всех к себе.

– Неважно, как быстра волчица. Её щенки ещё слабы и не могли далеко уйти. Они где-то рядом. Будем искать. Прислушайтесь,

может, писком они выдадут себя, – распорядился хозяин становища.

Оленеводы отправились на поиски в разные стороны, но до вечера так никого и не нашли. Видя, что все очень устали, Ыча сказал:

– Остановимся. Волчица убежала и больше сюда не вернётся. Без корма щенки сдохнут. А её потом добудем.

Все с облегчением вздохнули и на следующий день отправились на новое место.

Пришёл август. Тундра покрылась спелой морошкой, брусникой, голубикой. Куда ни глянь, торчат шляпки подберёзовиков, маслят. Поубавилось комаров, зато на крыло встало больше мошки. Олени вылиняли. Начали очищать от бархатистой шкурки рога – готовить турнирное оружие к гону. Если в июле ночи были короткие и в меру светлые, то в августе особенно густы. Темнота стоит такая, что, возвращаясь в чум, вход можно найти только на ощупь.

В одну из крошечных августовских ночей стая волков напала на стадо Ычи. Разбойное нападение было неожиданным и продолжительным. Олени пришли в смятение. Куда бы они не бросались бежать, на них набрасывались хищники. Своими клыками, как ножами, они вспарывали обезумевшим животным шкуры. Дежурные пастухи во тьме могли лишь кричать и стрелять в воздух...

Утром приехал Ыча. Вместе с помощниками он насчитал около сотни убитых и раненых животных. Часть оленей в панике

разбежалась по округе. Отправив за ними пастухов, Ыча привёз со становища женщин, детей и стариков, поручил им свежеть туши. Теперь слово «сармик» стало основным в лексиконе тундровиков.

Спустя несколько дней волчья стая напала на стадо Амо. И в нём хищники поработали на совесть, убив и ранив множество рогачей. А потом вновь вернулись к становищу Ычи.

До начала сентября волчья стая совершила шесть рейдов, попеременно атакуя стада отца и сына. Они уже не сомневались – в их края вернулась та самая неуловимая волчица и её подростки. Теперь она упивается мстостью и ни перед чем не остановится.

После очередной резни Ыча сказал:

– Это Сармик-Яха. Здесь нам нельзя оставаться. Надо аргишить к родственникам на восток, в сторону Таймырского полуострова.

Объединив поредевшие стада, отец и сын откочевали прочь. А за рекой, где они столько претерпели, закрепилось грозное название, – закончил перевод рассказа вэсако Яков Иванович.

– А что, после ухода Ычи кто-нибудь пас на Сармик-Яхе оленей? – поинтересовался я.

– Один раз совхозное стадо туда привели, так за ночь волки зарезали больше ста голов. Об этом даже в книжке про оленеводство написано, – сказал Вайнуто. – Сейчас севернее Лай-Яхи из совхозных стад никто не ходит...

Закрыв дневник, я поблагодарил собеседников за увлекательный рассказ, а про себя подумал, что каждый ненецкий топоним достоин отдельной истории.

